

III. Антизападные идеологические течения в постсоветской России и их истоки (11)

Игорь Баринов

Образ Талергофа в антиукраинской и антизападной мифологии современной России

События 2013-2014 гг. на Украине вызвали к жизни в России небывалую по масштабам и глубине проникновения антиукраинскую пропагандистскую кампанию. Осуждая действия нового украинского руководства, российская сторона стремилась не просто подать их в черном свете, но и заклеить саму украинскую государственность как противоестественную. С одной стороны, для этого аккумулировался травматический опыт Второй мировой войны – киевские политики, да и простые украинцы именовались в российских СМИ и публичном дискурсе «фашистами», «коричневыми» и прочими наименованиями из соответствующего тезауруса.

Вместе с тем, российская пропаганда реанимировала некоторые клише, характерные для классического русского антизападничества начала XX века. Тогда, на фоне стремительного подъема украинского национального движения, российские консерваторы рассматривали то, что они называли «украинством», как некую стратегию некоторых европейских держав, нацеленную на раздробление «единого русского народа» и, таким образом, на подрыв позиций России. Представители украинского национального движения именовались их идеологическими противниками «мазепинцами» с целью подчеркнуть их предательскую и русофобскую сущность, а также представить их послушными исполнителями чужой воли.

Сначала в роли «заказчиков» имплицитно выступали Англия и Франция. Затем, по мере внешнеполитической переориентации Петербурга на Париж и Лондон, их место заняли прежние европейские союзники России – Германия и Австрия. Гражданскому и военному руководству этих стран приписывалась разработка целой антироссийской парадигмы, в которой украинцы должны были занимать центральное место. Более ста лет спустя «заказчиками», следуя веяниям времени, стали именовать США и Евросоюз, которые тоже решили воспользоваться Украиной как проверенным орудием для торпедирования политических, геостратегических и духовных позиций Русского мира.

Стоит отметить, что, в отличие от своих предшественников, современные российские «охранители» имеют перед глазами всю историю XX века и стремятся задействовать конкретные примеры «разрушительной» деятельности украинцев с целью последующей демонизации всего украинского. Одним из центральных образов в этой галерее выступает лагерь Талергоф, существовавший на территории Австрии в годы Первой мировой войны. С ним антиукраински настроенные авторы связывают предательские действия украинцев по отношению к своим русофильски настроенным соплеменникам, приведшие, по их мнению, к геноциду русинского населения Австро-Венгрии. Эти суждения по большей части проистекают из общего протографа – публикаций на тему Талергофа галицко-русского писателя и общественного деятеля Василия Ваврика (1889-1970), появившихся во Львове еще в 1925 году¹. Своего рода итоговый очерк, посвященный талергофским событиям, был опубликован в 1966 году в Филадельфии². Именно он за последние пятнадцать лет выдержал в России два издания – в 2001 и 2007 гг., – став основным источником информации по теме, задолго до текущих украинских событий создавая определенный дискурс восприятия соседа.

Со временем система образов и мифов, связанная с Талергофом, была встроена в общую антиукраинскую картину. Согласно ей, «геноцид русофилов», происходивший в лагере, явился отправной точкой для понимания того, как сложилась антирусская/антироссийская стратегии Запада, а украинцы превратились из неразумных проводников «польской интриги» против России в инфернальных соучастников массового уничтожения русских.

На пути к Талергофу

Революции 1848 года и «весна народов» в Европе способствовали усилению политической активности славянского населения Австрии, в том числе галицких русинов. Это вызывало в Вене определенную тревогу за существование империи с учетом наличия мощного восточного соседа, претендовавшего на покровительство над всеми славянами. Подавление Россией Венгерского восстания 1849 года укрепило представление о том, что она не исчерпала резервы своего расширения и вполне способна продвинуться дальше.

В этих условиях в Австрии зародился и начал развиваться аффект панславизма – мнимой вероятности всеславянского объединения под эгидой России. Именно он определил всю дальнейшую национальную политику Австрии и привел к тем трагическим событиям, которые имели место уже во время Первой мировой войны. Неясно, когда и как впервые проявился этот аффект, однако свидетельства о

---

¹ Ваврик В.Р. Талергоф // Русский голос. 1925. №№ 108-110, 115, 117.

² Он же. Терезин и Талергоф: к 50-летней годовщине трагедии галицко-русского народа. Филадельфия, 1966.

его наличия относятся уже к середине 1860-х гг. Любопытное упоминание содержится в путевых заметках Василия Кельсиева, политического эмигранта, затем перешедшего в консервативный лагерь. В 1866 году он путешествовал по сельской местности в Галиции, где своим интересом к местной этнографии возбудил к себе подозрение жандармерии. Как вспоминал автор, он был задержан по обвинению в шпионаже. Как пишет Кельсиев, по мере передачи его дела в более высокие полицейские инстанции оно, по причине русского происхождения подозреваемого, было переквалифицировано в «панславистскую пропаганду»³.

Этот небольшой эпизод ярко характеризует положение в пограничных с Россией областях Австрии. По словам Кельсиева, много общавшегося с представителями самых разных общественных слоев Галиции, там «не было определено, что такое русскость», что именно значит, «что они русины» и как они относятся «к другим народностям, называющим себя русскими»⁴. Учитывая сохранявшееся в Галиции во многом традиционное общество, это неудивительно. Даже шесть-семь десятилетий спустя, уже в межвоенный период, половина галицких крестьян не имела отчетливо выраженного национального самосознания, в контексте нации была распространена самоидентификация «местные»⁵. Для простых селян не существовало границы в ее современном понимании. Жители русской Подолии пешком ходили в местный центр православия – Почаевскую лавру, которая располагалась уже на австрийской стороне. Галичане жаловались соседям на экономическое и общественное доминирование местных поляков и евреев и узнавали, что в России их собратьев рассматривают как наиболее нелояльных престолу подданных.

Вероятно, именно в ходе подобного неформального общения галицкие крестьяне наполнялись уважением и симпатией ко всему русскому. Как указывал Кельсиев, уже в его время галичане «странно идеализировали Россию»⁶, связывая приход русского царя с умеренными податями и избавлением от польского и еврейского засилья. Не меньшая идеализация России царила и в кругах русофильской интеллигенции. Ее представители ассоциировали петербургскую империю и себя с некой абстрактной «Русью» как средоточием непрерывной культурной и духовной традиции. В свою очередь, местные полицейские власти, следуя настроениям венского кабинета, делали из любого русского, оказавшегося в Галиции, агента петербургского правительства, что наглядно демонстрирует случай Кельсиева, которому не помогло даже наличие турецкого паспорта. Невольными соучастниками затем становились и реципиенты указанной пропаганды – галицкие селяне, хотя даже в 1880 году в Галиции три четверти мужчин и 80 % жен-

---

³ Кельсиев В.И. Галичина и Молдавия. СПб., 1868. С. 259-260.

⁴ Там же. С. 57, 137.

⁵ Федевич К.К. Украинцы и не только (Особенности национального сознания украинцев Восточной Галиции в 1920-1930-е годы) // Славяноведение. 2014. № 5. С. 3-5.

⁶ Кельсиев. Галичина и Молдавия. С. 163.

щин были неграмотны, а лишь около половины детей школьного возраста в Галиции ходило в школу⁷.

Между тем, 1860-70-е гг. вновь готовили задачу с тремя неизвестными – двумя внутренними и одним межгосударственным. В указанный период времени украинофильские идеи вместе с творчеством малороссийских литераторов и историков стали проникать в Галицию. На волне романтического национализма, характерного для Европы того времени, галицкие украинофилы начали активно изучать все, что было связано с местной этнографией и вообще, как тогда говорили, «народной стародавностью». Следующим шагом стало своеобразное «хождение в народ» с целью как прикоснуться к его наследию, так и вывести село на путь просвещения. Так в 1868 году возникло общество «Просвита», которое стало открывать на селе читальни, выпускать книги и брошюры.

Как пишет Джон-Пол Химка, на первых порах украинофилы столкнулись со значительными трудностями. Так, местные крестьяне не видели смысла делать взносы в читальни, так как это не давало прибýtка в хозяйстве. Арест некоторых крестьян за чтение социалистической литературы породил слухи о том, что арестовывают за сам факт чтения, что отваживало людей от читален⁸. Тем не менее, за достаточно короткий период украинофилам удалось добиться успеха, снискав доверие определенной части сельского населения. Речь о какой-то политике тогда еще не шла, поскольку, как уже было сказано, на селе не мыслили такими категориями. Русофилы, однако, достаточно ревностно восприняли деятельность своих конкурентов. В том же 1868 году ими, в противовес Просвите, было организовано просветительское Общество Михаила Качковского, что предопределило противостояние русофильской и украинофильской партий в борьбе за душу галицкого крестьянина.

Уже в самом начале этого противостояния линия напряжения прошла по трем пунктам – истории, языку и религии. Русофилы полагали, что Галиция является неотъемлемой частью «Руси» (какой они ее себе представляли) и поэтому стремились к сближению с Россией, украинофилы настаивали на «реализации этнокультурных начинаний»⁹ той группы, представители которой именовалась русинами в Австрии и малороссами в России. Соответственным образом русофилы считали, что должны пользоваться русским языком (опять же, каким они его представляли), украинофилы указывали на единый характер языка на обоих берегах Днепра и его независимость от русского и польского. Наконец, важное место в национальной парадигме русофилов занимало православие с принципиальным отказом от униатства, распространенного в Галиции. Украинофилы же были

---

⁷ Himka J.-P. *Galician Villagers and the Ukrainian National Movement in the Nineteenth Century*. Edmonton, 1988. P. 61-63.

⁸ Ibid. P. 93-95.

⁹ Горизонтов Л.Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // *Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности*. М., 2001. С. 148.

более светскими по характеру и не отводили религии такого места¹⁰. Из-за этого русская консервативная печать перед Первой мировой войной подчеркивала, что, появившись Украина на карте, она будет «атеистическим и анархическим государством»¹¹.

Политическая ситуация начала накаляться после русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Ее результаты были серьезным образом пересмотрены не в пользу России на Берлинском конгрессе при молчаливом согласии Вены. Именно с этого времени Петербург начал отходить от своих традиционных германских союзников в сторону Великобритании и Франции, а в Австро-Венгрии начала стремительно набирать обороты фобия «русской» и, шире, – «славянской угрозы». Австрийская политическая публицистика, обладавшая заметным влиянием в обществе, из раза в раз повторяла тезис о том, что в «непрерывной агрессивной политике Российской империи заключается наибольшая опасность для Европы»¹², что «в неумеренном расширении России есть намерение создать "новую Византию", вторгнуться на Балканы, а затем и в Центральную Европу, прежде всего, в Австрию»¹³.

Ситуацию, сами того не ведая, осложняли обычные крестьяне, которые продолжали жить своей жизнью, далекой от политики. Так, в 1882 году галицкое село Гнилички целиком перешло в православие. Как затем выяснилось, его жители просто хотели иметь свой приход, а не ходить за несколько километров в Великие Гнилицы и не отправлять туда подати¹⁴. Подобная ситуация имела место в Галиции даже полвека спустя, когда римо-католики ходили в греко-католический приход, если свой был далеко, а смешанные в религиозном отношении семьи в целях экономии тратились на какой-то один обряд¹⁵. Однако превалявавшее во властных кругах и обществе настроение проигнорировало результаты расследования, показавшего, что это было сделано исключительно из практических интересов. В Вене в «гнилическом случае», вылившемся в резонансный судебный процесс, увидели не что иное, как происки России. Из-за этого некоторые характерные для русофильства признаки резко политизировались – так, православие рассматривалось не как культурный элемент, а как средство влияния. По словам начальника австрийской контрразведки Макса Ронге, в глазах спецслужб «агитация» в пользу православной церкви шла неразрывно со шпионажем в пользу России¹⁶.

По мере усиления давления местных и центральных австрийских властей на русофилов у русской стороны стало возрастать подозрение в поддержке украин-

¹⁰ Himka J.-P. Religion and Nationality in Western Ukraine: The Greek Catholic Church and the Ruthenian National Movement in Galicia, 1867-1900. Montreal, 1999. P. 145.

¹¹ Де-Витте Е.И. Австро-Венгрия и её славянские народы. Шамордино, 1912. С. 65.

¹² Oesterreichisch oder Kosakisch? Wien, 1878. P. 8-9.

¹³ Paul E. Die Ziele des Russentums. Leipzig, 1886. P. 20.

¹⁴ Himka. Religion and Nationality in Western Ukraine ... P. 73.

¹⁵ Федевич. Украинцы и не только ... С. 6-7.

¹⁶ Ронге М. Разведка и контрразведка. СПб., 2004. С. 73-74, 104.

ской партии на государственном уровне. Укреплял это мнение и упадок русофильского движения в результате внутреннего кризиса. Как показывала статистика, к 1914 году в Просвете состояло более 36 000 человек, читальни аккумулялировали еще 197 000 человек, тогда как Общество Михаила Качковского могло похвастаться только десятой частью этих цифр¹⁷. Эти обстоятельства заставили Петербург пересмотреть свое отношение к ситуации. Теперь уже русская консервативная журналистика нагнетала страсти, от раза к разу тиражируя мысль о том, что австрийское правительство поддерживало сепаратизм украинофилов. Корреспондент правительственной газеты *Новое время* в Вене называл даже «создателей» украинской партии – главу Генштаба Фридриха фон Бека и премьер-министра Густава Кальноки¹⁸. Украинское научное Общество имени Шевченко обвинялось в получении от властей 20 000 крон (8 000 рублей) ежегодно, тогда как русские общества якобы не получали «ниоткуда ни гроша», действуя исключительно своими силами и средствами¹⁹.

Австрийское руководство, тем не менее, придерживалось другого мнения. По сообщениям дипмиссии Австро-Венгрии в Петербурге, создатель «Галицко-русского благотворительного общества» Владимир Бобринский ассигновал на нужды газеты *Прикарпатская Русь* 200 000 крон (соответственно 80 000 рублей) в год «из тех средств, которыми сам не распоряжался». На дотационной характер финансирования издания, по мнению австрийской стороны, указывало и то, что больше половины тиража бесплатно распространялось среди сельского населения Галиции²⁰. Как впоследствии стало известно, русофильские организации ежегодно получали от России 85 000 рублей государственных денег и 10-12 000 рублей частных пожертвований. Только в ходе выборов в рейхсрат в 1911 году на поддержку русофилов русская сторона истратила 15 000 рублей²¹. Деньги при этом расходовались настолько топорно, что в Рейхсрате звучали заявления о том, что почти в каждом селе Восточной Галиции «есть русский платный агент», а агитаторы даже не утруждаются разменять рубли на кроны, перепоручая это самим крестьянам²². Какова была реальная отдача от этих затрат, сказать трудно. Как высказывался русский посол в Вене Николай Гирс, деятельность России по поддержке русофильского движения давала австрийцам материал для «дутых» скандалов с участием «русских шпионов» и только усиливала гонения на русофилов²³.

¹⁷ Himka. Galician villagers ... . P. 91-92.

¹⁸ Sembratowycz R. Das Zarentum im Kampfe mit der Zivilisation. Frankfurt am Main, 1905. P. 15.

¹⁹ Де-Витте Е.И. Чему нас учат поляки. Почаев, 1906. С. 45-46.

²⁰ Bachmann K. Ein Herd der Feindschaft gegen Russland: Galizien als Krisenherd in den Beziehungen der Donaumonarchie mit Russland (1907-1914). Wien, 2001. P. 215.

²¹ Бахтурина А.Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой Мировой войны. М., 2000. С. 47-48.

²² Там же. С. 49-50.

²³ Клопова М.Э. «Русское дело» в Австро-Венгрии: участники, сторонники, оппоненты // Механизмы формирования этнокультурной идентичности: Россия, Украина, Белоруссия, Польша. М., 2011. С. 217-218.

Таким образом, еще до начала Первой мировой войны локальные трения между русофилами и украинофилами в Галиции постепенно способствовали нарастанию напряженности в отношениях России и Австро-Венгрии. Как в Петербурге, так и Вене подозревали противную сторону в использовании соответствующего национального движения в своих интересах. При этом, как ни парадоксально, положение украинофилов в России, где их идеология считалась сепаратизмом, нельзя было сравнить с положением русофилов в Австрии. Если первые рассматривались русскими властями как некое слепое орудие венской политики, то вторые воспринимались австрийцами как готовый к броску русский авангард, причем разница между представителем интеллигенции и полуграмотным мужиком уже не делалась. Именно это обстоятельство стало не только для узкой прослойки русофилов, но и для широкой массы населения окраинных провинций Австрии роковым.

Талергоф как реальное явление

Первая мировая война, явившаяся результатом нескольких предыдущих десятилетий человеческой истории, тем не менее, стала неожиданностью. Еще более неожиданными для старого мира стал тот социальный опыт, который она обусловила. Первая мировая явила собой принципиально новый тип «тотальной» войны – друг другу противостояли уже не просто правительства и армии, а целые нации. В этой связи быстро возникла потребность изоляции тех групп людей, которые потенциально могли нанести вред воюющему государству. Для этого был привлечен опыт других индустриальных войн – Гражданской в США и второй англо-бурской в Африке – по организации особых мест содержания таких групп. Так в Европе возникли первые лагеря интернированных – лиц, по той или иной причине временно задержанных до окончания войны. Подобные места изоляции были во всех воевавших странах, туда могли попасть как подданные враждебного государства, так и собственные граждане, которых сочли не вполне лояльными.

В целом, интернирование стало обычной практикой военного времени. Широкую дорогу ей давало военное законодательство, введенное рядом государств уже в первые дни войны. Так, в России военные власти получили широчайшие полномочия, в том числе неограниченное право высылки не только подозрительных личностей, но и целых групп населения²⁴. В Австро-Венгрии тогда же появились императорские указы о приостановке действия основных гражданских прав, а также подчинении военной юрисдикции при государственной измене и

---

²⁴ Лор Э. Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М., 2012. С. 28.

неподчинении властям²⁵. Помимо этого, австрийские военные инстанции (в частности, армейское командование и полевая жандармерия) начали рассматривать и гражданские дела, что положило начало «военному абсолютизму»²⁶.

Очень быстро в ходе интернирования власти стали стигматизировать определенные общности. В России таковыми стали немцы – собственные граждане, еще вчера считавшиеся чуть ли не самыми лояльными, становились «внутренними врагами». В конце декабря 1914 года начальник штаба Ставки Николай Янушкевич приказал выселить из польских губерний всех немецких колонистов-мужчин (это не менее 200 000 человек)²⁷. Австро-Венгрия, со своей стороны, депортировала десятки тысяч славян, которых считала ненадежными, без всякой оглядки на их этничность или вероисповедание. Среди них были и католики (чехи), и православные (сербы)²⁸. В одном венгерском лагере Арад во время войны умерло от 3 до 4 000 хорватов²⁹. Репрессии коснулись и других групп. Так, в лагере Нижней Австрии по подозрению в «ирредентизме» было отправлено 12 000 итальянцев³⁰.

Та драма, которая разыгралась в Галиции, объясняется несколькими факторами. Первый и самый главный заключается в том, что она находилась в зоне непосредственных боевых действий. Как указывает исследователь австро-венгерской армии, историк Владимир Миронов, это обуславливало беспощадность военного правосудия³¹. Во-вторых, с галицкими русофилами еще до войны был связан ряд шпионских скандалов, что, в условиях царившей тогда в Австро-Венгрии шпиономанской истерии³², формировало соответствующее отношение к ним власти и общества. Кроме того, после первых поражений Австро-Венгрии в Галиции в августе 1914 года русофилы, очевидно, перестали скрывать свои настроения. Совокупность названных факторов определила беспрецедентно жестокое отношение военных властей к тем русинам, которые оказывались заподозренными в симпатиях к России.

В современной российской антиукраинской публицистике распространено убеждение, что целью репрессий австрийских властей было все русинское население Галиции³³. Это изначально ошибочное мнение. Известно, что к сентябрю 1915 года в лагере около Гмюнда (Нижняя Австрия) в 140 бараках было размещено 53 000 русинских беженцев, для которых была создана вся инфраструктура,

---

²⁵ Миронов В.В. Австро-венгерская армия в Первой мировой войне: разрушение оплота Габсбургской монархии. Тамбов, 2011. С. 50.

²⁶ Там же. С. 53-54.

²⁷ Лор. Русский национализм и Российская империя ... С. 154

²⁸ Kramer A.R. Prisoners in the First World War // Prisoners in War. Oxford, 2010. P. 75.

²⁹ Ibid.

³⁰ Stibbe M. Civil Internment and Civilian Internees in Europe, 1914-1920 // Captivity, Forced Labour and Forced Migration in Europe during the First World War. L., 2013. P. 62.

³¹ Миронов. Австро-венгерская армия в Первой мировой войне ... С. 52.

³² Ронге. Разведка и контрразведка. С. 106.

³³ Ищенко Р.В. Талергоф // Стратегия России. 2015. № 1. С. 79.

включая культурно-образовательную³⁴. Всего же за время войны, по некоторым оценкам, во внутренние районы Австро-Венгрии попало до 800 000 (!) беженцев из Галиции³⁵. Те же, кто по какой-то причине остался, вне зависимости от этничности навлекал на себя подозрения. Неверно также отождествлять произвол армейского командования с функционированием военной юстиции как таковой. Юридически некорректные решения трибуналов нередко могли быть результатом вмешательства вышестоящих военных инстанций³⁶. Как подчеркивает В. Миронов, судебные разбирательства над русофилами могли длиться годами и не обязательно заканчиваться вынесением смертного приговора. В другом случае в декабре 1915 года галичанка П. Свициска за оскорбление величества была приговорена к двум годам заключения, так как суд счел, что ее поведение вызвано «недостатком образования»³⁷.

По мере ухудшения положения на фронте и поступающих сообщениях о диверсиях в Галиции произошла активизация сторонников жестких мер³⁸. Сначала из числа «ненадежных» русинов стали брать заложников³⁹, однако быстро это переросло в повальные аресты. По мнению австрийского историка Николь Голль, занимавшейся изучением документов Талергофа, в действиях армейского руководства присутствовала некая амбивалентность: данные аресты считались предупредительной мерой, хотя большинство задержанных не совершало никаких преступлений⁴⁰. Здесь проявилась безжалостность военных трибуналов – человека действительно могли казнить как шпиона за то, что он посещал русские читальни или голосовал за русскую партию на выборах⁴¹. Наиболее вопиющий случай произошел 14 сентября 1914 года в Перемышле, когда при попустительстве военных толпа устроила настоящий самосуд над группой конвоируемых русофилов, переросший в резню. Этот случай получил такую огласку, что пришлось вмешаться самому императору Францу-Иосифу, потребовавшему от военных применять их «меры» только там, где для этого была обоснованная причина⁴².

Тем временем, количество арестованных превзошло ожидания и возникла необходимость их дальнейшего размещения. Выбор пал на Талергоф – местность

---

³⁴ Bihl W. Einige Aspekte der österreichisch-ungarischen Ruthenenpolitik 1914-1918 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1966. Vol. 4. P. 547.

³⁵ Шлянта П. «Братья-славяне» или «азиатские орды»? Польское население и российская оккупация Галиции в 1914-1915 гг. // *Большая война России: социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох*. М., 2014. С. 25.

³⁶ Миронов. *Австро-венгерская армия в Первой мировой войне ...*. С. 72.

³⁷ Там же. С. 60, 66.

³⁸ Там же. С. 58.

³⁹ Ронге. *Разведка и контрразведка*. С. 105.

⁴⁰ Goll N.-M. «Russophile» Zivilinternierte aus Galizien im Lager Thalerhof bei Graz im Ersten Weltkrieg // *Update! Perspektiven der Zeitgeschichte*. Innsbruck, 2012. P. 32.

⁴¹ Клопова. «Русское дело» в Австро-Венгрии. С. 231.

⁴² Wendland A.V. *Die Russophilen in Galizien: Ukrainische Konservative zwischen Österreich und Russland, 1848-1915*. Wien, 2001. P. 544.

неподалеку от Граца, использовавшуюся в качестве учебного полигона для пехоты и кавалерии, а с 1914 года – и как военный аэродром. На это решение повлияло сразу несколько условий: Талергоф находился в глубоком тылу и имел хорошее сообщение с железнодорожной сетью, а само пространство было просторным и хорошо просматривалось⁴³. Первый транспорт с 2 000 интернированными (такая оценка присутствует у обеих сторон – и русофильской, и украинофильской)⁴⁴ прибыл на место 4 сентября 1914 года. Уже с этого момента две истории – реального лагеря Талергоф и политизированного нарратива о нем – становятся неотделимы друг от друга.

В конце 2000-х гг. Министерство обороны Австрии заинтересовалось вопросом перезахоронения останков заключенных лагеря, когда-то находившегося на территории современного международного аэропорта Грац-Талергоф и авиационной базы Ниттнер. В ходе организованного Министерством проекта группа австрийских историков изучила значительный массив связанных с лагерем документов – как в Вене, так и на месте, в Штирии. По результатам исследования в 2010 году был опубликован небольшой документально-аналитический отчет, который, как оказалось, поставил под сомнение ряд наиболее растиражированных утверждений относительно Талергофа, нередко воспринимаемых в публицистике как непреложная истина.

Обратимся к упомянутому в начале автобиографическому очерку Василия Ваврика – наиболее часто цитируемому личному источнику по теме Талергофа. Начиная описание лагеря, Ваврик сразу указывает на то, что пользовался «дневниками и записками талергофских невольников»⁴⁵. Действительно – текст скорее напоминает позднейшую компиляцию, созданную на основе изучения пласта материалов, чем оригинальные записи. Более того, при критическом изучении он производит несколько странное впечатление. Многочисленные дневники и мемуары заключенных, собранные в *Талергофском альманахе*, в мельчайших подробностях описывают лагерный быт, отражают внутреннее состояние авторов. В тексте Ваврика речевые клише «я видел», «я вспоминаю», «со мной произошло» отсутствуют в принципе, хотя описанные им события (эпидемии, повальный голод, издевательства охраны) просто не могли не коснуться его самого. Все свои вероятные переживания автор вкладывает в абстрактную характеристику Талергофа как «лютейшего застенка из всех австрийских тюрем»⁴⁶. Кроме того, несмотря на упоминание жестокостей и произвола в лагере, мемуары описывают и происходившие там положительные явления. В брошюре Ваврика, напротив, перед глазами предстает совершенно апокалиптическая картина. Из-за этого в ходе чтения текста возникает мысль, что он написан сторонним наблюдателем, кото-

⁴³ Thalerhof 1914-1936: Die Geschichte eines vergessenen Lagers und seiner Opfer. Herne, 2010. P. 25-26.

⁴⁴ Талергофский альманах. Вып. 3. Ч. 1. Львов, 1930. С. 4; Маковський В. Талергоф: спогади і документи. Львів, 1934. С. 95.

⁴⁵ Ваврик. Терезин и Талергоф. С. 34.

⁴⁶ Там же.

рый как будто специально выбирал из имеющихся материалов самые жуткие фрагменты.

Еще большую странность этот позднейший текст обнаруживает при его сравнении с другим автобиографическим очерком Ваврика, опубликованным в одном из выпусков *Талергофского альманаха*⁴⁷. В нем автор подробно описывает обстоятельства своего ареста после неудачной попытки перехода линии фронта, заключение в львовской тюрьме «Бригидки» и дальнейший перевод в крепость Терезин⁴⁸, режим содержания в которой отличался благожелательным отношением администрации и местного населения⁴⁹. В предисловии к изданию 1966 года предлагается уже другая версия: согласно ей, Ваврик был арестован «по доносу шовиниста-украинца»⁵⁰. Когда и при каких обстоятельствах произошли арест и последующая отправка в Терезин, не говорится. В то же время в тексте 1930 года Ваврик указывал, что был переведен в крепость за несколько дней до взятия Львова российскими войсками⁵¹, то есть в самом конце августа 1914 года. Чем вызвана подобная корректура биографии, остается неясным.

Оба текста – ранний и позднейший – объединяет одно обстоятельство: в них не упоминается, когда их автор был переведен из Терезина в Талергоф. В очерке 1966 года Ваврик пишет, что «крепость опустела» через несколько дней после Пасхи 1915 года⁵² (тогда она пришлась на 22 марта/4 апреля). В этой связи можно косвенно предположить, что он находился в Терезине по крайней мере до конца марта 1915 года. По высказываниям талергофских свидетелей, транспорт с представителями интеллигенции из Терезина прибыл в лагерь в начале мая того же года⁵³. В биографической справке, приведенной в *Талергофском альманахе*, указывается, что Ваврик попал в лагерь через год после отправки в Терезин, а затем был призван в армию и оказался на фронте в Италии⁵⁴. По свидетельству заключенного Талергофа, священника Григория Макара, студентов, к которым относился и Ваврик, брали на военную службу с июля по ноябрь 1915 года⁵⁵. В некрологе писателя сказано, что он был зачислен в полк в октябре того же года⁵⁶. Таким образом, Ваврик предположительно находился в Талергофе всего несколько месяцев – с мая или августа до октября 1915 года, то есть в то время, когда ситуация уже стабилизировалась, и шла положительная динамика. Этим, в прин-

---

⁴⁷ Талергофский альманах. Вып. 4. Ч. 2. Львов, 1932. С. 87 и сл.

⁴⁸ Там же. С. 88-89.

⁴⁹ Клопова М.Э. Терезин и Талергоф: трагедия «тирольцев востока» // Народы Габсбургской монархии в 1914-1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств. Т. 1. М., 2012. С. 214.

⁵⁰ Самело Р. Предисловие // Ваврик. Терезин и Талергоф. С. 3.

⁵¹ Талергофский альманах. Вып. 4. Ч. 2. С. 89.

⁵² Ваврик. Терезин и Талергоф. С. 33.

⁵³ Талергофский альманах. Вып. 3. Ч. 1. С. 7.

⁵⁴ Талергофский альманах. Вып. 4. Ч. 2. С. 87.

⁵⁵ Талергофский альманах. Вып. 3. Ч. 1. С. 8.

⁵⁶ Минович Р., Аристова Т. Доктор В.Р. Ваврик (некролог) // Журнал Московской патриархии. 1971. № 1. С. 18.

ципе, объясняется отсутствие в его мемуарах личностных впечатлений от пребывания в лагере, иначе они могли бы противоречить общей скорбной картине. Так, в очерке 1930 года Ваврик посвящает Талергофу всего несколько предложений⁵⁷, а в позднейшем тексте исчезают и они.

Перейдем к фактической части издания 1966 года. Ваврик подчеркивает, что скученность, грязь и антисанитария, отсутствие элементарных удобств были нужны «кровопийцам и палачам» для уничтожения русофилов⁵⁸. В реальности же, как показывают документы, местные власти, ответственные за организацию лагеря, оказались совершенно неподготовленными к столь скорому прибытию тысяч людей⁵⁹, и все пришлось делать прямо на ходу. Далее Ваврик указывает, что «до зимы 1915 года в Талергофе не было барачков», и «люди лежали на земле под открытым небом в дождь и мороз»⁶⁰. Тем не менее, как известно из документов, интернированные русины провели под открытым небом только четыре дня (с 4 по 8 сентября 1914 года), пока не был развернут первичный палаточный лагерь – 40 маленьких палаток на 30 человек и 3 больших – на 300 человек.

Ввиду приближавшейся зимы было отдано распоряжение о начале строительства более долговременных укрытий для интернированных. Уже к концу сентября было возведено 5 барачков на 250 человек каждый, для остальных пока что отвели строения аэродрома. 11 ноября 1914 года военные и гражданские власти Штирии доложили о строительстве еще 30 барачков⁶¹, которые, однако, сперва не отапливались⁶². Неорганизованность в деле обустройства лагеря порождала все новые проблемы. С одной стороны, наплыв арестованных русинов не прекращался. Вскоре в Талергоф прибыли и 2 000 польских беженцев, что обострило ситуацию с размещением людей⁶³. В обоих авиационных ангарах разместилось по 2 000 человек, живших там в жуткой тесноте⁶⁴. Для заключенных изначально не было предусмотрено никакой инфраструктуры, особенно гигиенической, из-за чего началось распространение инфекционных заболеваний⁶⁵.

Как следует из текста, Ваврик имплицитно рассматривает Талергоф как место принудительного содержания и физического уничтожения русофилов, отождествляя понятия «талергофец» и «русин»⁶⁶. Это так же не соответствует действительности: в лагерь могли отправить любого подданного Австро-Венгрии, который показался военным властям нелояльным. Так, в конце 1914 года были признаны «подозрительными» и казнены несколько десятков румын, а еще

⁵⁷ Талергофский альманах. Вып. 4. Ч. 2. С. 89.

⁵⁸ Ваврик. Терезин и Талергоф. С. 36.

⁵⁹ Thalerhof 1914-1936. P. 31.

⁶⁰ Ваврик. Терезин и Талергоф. С. 36.

⁶¹ Thalerhof 1914-1936. P. 31-34.

⁶² Lexikon der Vertreibungen. Deportation, Zwangsaussiedlung und ethnische Säuberung im Europa des 20. Jahrhunderts. Köln-Wien, 2010. P. 567.

⁶³ Thalerhof 1914-1936. P. 32.

⁶⁴ Lexikon der Vertreibungen. P. 567.

⁶⁵ Thalerhof 1914-1936. P. 48-49.

⁶⁶ Ваврик. Терезин и Талергоф. С. 40.

большее количество отправилось в Талергоф⁶⁷. В лагерь попадали чехи, поляки и словенцы, позже к ним добавились евреи⁶⁸. Участник депутатского расследования 1917 года по делу Талергофа, Иржи Стршибрны, указывал, что в Талергофе оказывались даже немцы Галиции⁶⁹. Все они находились в одинаковых условиях и в любой момент могли погибнуть от инфекции или произвола лагерной охраны.

Тем временем спорадические вспышки тифа и холеры в лагере в декабре 1914 года переросли в настоящую эпидемию⁷⁰. Ваврик рассматривал это как еще один способ властей избавиться от ненавистных русофилов: он писал, что «смерть в Талергофе редко была естественной», ее «прививали ядом заразных болезней», а «о лечении погибающих людей и речи не было»⁷¹. На самом деле заключенные, уже заболевшие или имевшие подозрение на заболевание, сразу отправлялись в изоляционные бараки, вскоре появился инфекционный госпиталь на 500 коек⁷². В январе 1915 года в Талергоф с инспекцией посетили представители санитарного департамента Министерства внутренних дел, которые по возвращении в Вену в весьма резкой форме высказались о состоянии дел в лагере⁷³. Поскольку с тифом не могли справиться, был прекращен прием в лагерь новых интернированных, а эпидемию смогли побороть только в марте-апреле 1915 года⁷⁴.

Значительное число людей, прибывавших в Талергоф из разных регионов Австро-Венгрии, и эпидемия зимы 1914 – весны 1915 гг. изначально затруднили оценку числа заключенных и количества умерших в лагере. По разным данным, к концу осени 1914 года в Талергофе находилось 5 700, 6 680 или 8 000 человек⁷⁵. Применительно к середине декабря того же года встречается цифра 7 000 человек⁷⁶, это же количество иногда указывается как общее число заключенных⁷⁷. По сведениям Иржи Стршибрны, «в декабре 1914 года число интернированных из Галиции, Буковины, Богемии и Моравии в Талергофе достигло 5 000»⁷⁸. Ваврик утверждает, что за время существования лагеря через него прошло 20 000 одних русинов⁷⁹, не называя ни методики подсчета, ни источников

---

⁶⁷ Шкундин Г.Д., Ржешевский О.А. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 439.

⁶⁸ Клопова. Терезин и Талергоф: трагедия «тирольцев востока». С. 214-216.

⁶⁹ Stenographische Protokolle der Sitzungen des Abgeordnetenhauses des österreichischen Reichsrates. 6. Sitzung der XXII. Session am 14. Juni 1917. Wien, 1920. P. 246.

⁷⁰ Lexikon der Vertreibungen. P. 567.

⁷¹ Ваврик. Терезин и Талергоф. С. 39.

⁷² Thalerhof 1914-1936. P. 35, 52.

⁷³ Ibid. P. 53.

⁷⁴ Ibid. P. 34, 55.

⁷⁵ Клопова. Терезин и Талергоф: трагедия «тирольцев востока». С. 214; Thalerhof 1914-1936. P. 34.

⁷⁶ Lexikon der Vertreibungen. P. 567.

⁷⁷ Wendland. Die Russophilen in Galizien ... P. 546.

⁷⁸ Stenographische Protokolle der Sitzungen des Abgeordnetenhauses des österreichischen Reichsrates. 6. Sitzung der XXII. Session am 14. Juni 1917. P. 246.

⁷⁹ Ваврик. Терезин и Талергоф. С. 48.

этой цифры. Рознятся данные по жертвам лагерной эпидемии – 1 000 и 1 700 заключенных⁸⁰. Не менее спорным представляется и общее число умерших. Авторы отчета по Талергофу отталкиваются от церковных записей местного прихода, зафиксировавшего по лагерю 1 767 смертей, в том числе 1 312 из них в период между сентябрем 1914 и апрелем 1915 гг.⁸¹ Иржи Стршибрны говорил о 2000 умерших⁸².

Стоит отметить, что изначальной идеей депутата было показать общее для славянских народов Австро-Венгрии подчиненное положение. Выступая в рейхсрате в июне 1917 года, Стршибрны недаром называл Талергоф «адам для славян»⁸³, а не только для русинов. Кроме того, он четко отделял их от собственно «русских»⁸⁴ (в Талергофе находилась большая группа военнопленных российской армии). Ваврик, знакомый с материалами Стршибрны, указывал на 3 000 только русинов, скончавшихся за полтора года с момента возникновения лагеря⁸⁵, игнорируя присутствие в Талергофе представителей других этнических групп. К слову, в современной российской литературе по теме присутствует идея о том, что те, кто не относился к русофилам, вообще пострадали случайно и не слишком сильно⁸⁶.

Нужно подчеркнуть, что существует еще некоторые блоки вопросов, остающихся на периферии изучения талергофских событий. Во-первых, это вопросы правового характера. Описанные в лагерных воспоминаниях примеры неуставного поведения военных ужасают. Вопрос здесь заключается в том, стало ли подобное отношение к интернированным институциональной нормой времен «военного абсолютизма» в принципе, или же Талергоф все же чем-то отличается от других подобных лагерей, которых в Австрии было немало количество? Произвол как социальную практику внутри самой австро-венгерской армии разбирает в своей монографии В. Миронов, применительно к военно-гражданским отношениям того времени это пока остается темным пятном.

Как следует из мемуаров, конвоировавшие русинов уроженцы Галиции по пути следования приносили арестованным еду и давали деньги, в отличие от собственно австрийских военных в Штирии⁸⁷. Были ли, таким образом, все военнослужащие австро-венгерской армии охвачены шпионским психозом? Этот вопрос тоже остается открытым. При этом, как уже говорилось, нельзя определять

---

⁸⁰ Thalerhof 1914-1936. P. 34; Bihl. Einige Aspekte der österreichisch-ungarischen Ruthenenpolitik 1914-1918. P. 546.

⁸¹ Thalerhof 1914-1936. P. 95, 109.

⁸² Stenographische Protokolle der Sitzungen des Abgeordnetenhauses des österreichischen Reichsrates. 6. Sitzung der XXII. Session am 14. Juni 1917. P. 247.

⁸³ Ibid. P. 244.

⁸⁴ Ibid. P. 241.

⁸⁵ Ваврик. Терезин и Талергоф. С. 40.

⁸⁶ Марчуков А.В. «Русские» или «украинцы»? Пути национального развития населения Галиции глазами австрийских дипломатов // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 2. М., 2007. С. 206 и сл.

⁸⁷ Маковський. Талергоф ... С. 91 и сл.

военную юстицию в Австро-Венгрии времен Первой мировой войны исключительно как систему подавления. Так, известно, что с марта 1915 года из Талергофа стали выпускать женщин и стариков⁸⁸. Постепенно это распространилось и на другие категории заключенных: если в январе 1916 года их было 2 808, то в марте – уже 2 271, а в сентябре – 2 000⁸⁹. Тем не менее, они по-прежнему не могли рассчитывать хотя бы на формальное предъявление обвинения и, вследствие его недоказанности, на получение некой компенсации.

Магистральным остается вопрос зависимости репрессивных действий властей от этнических/этнонациональных характеристик объекта репрессий. Известно, что в Австро-Венгрии (как, кстати, и в России) существовала негласная система ранжирования подданных по степени лояльности, прекрасно описанная Ярославом Гашеком в его романе о солдате Швейке. Как уже было сказано, наряду с интернированными в Талергофе русинами существовала и категория русинских беженцев, которые получали в тылу возможность реализации своего вынужденного статуса. Как представляется, указанное соотношение сильно варьировалось от этноса к этносу и порой было обусловлено длительной традицией противоречий между главенствовавшей и подчиненной группой. В указанном произведении Гашека это ярко демонстрируется на примере взаимоотношений немцев и чехов. В романе неслучайно возникает образ военврача, немца Баутце, утверждавшего, что «весь чешский народ» является «бандой симулянтов»⁹⁰, тогда как представителям лояльных наций (немцам, венграм) даже делали приписки в ранениях, чтобы продемонстрировать их доблесть⁹¹. В годы войны эта сегрегация приобрела невиданные масштабы, приведя к возникновению устойчивых клише об измене чешских полков, которые легли в основу представления об их тотальной неблагонадежности⁹². Недаром чехи столь сочувственно относились к русинам, оказавшимся в богемском Терезине.

С русинским населением у немцев не существовало подобного опыта тесного взаимодействия. Более того – австрийские власти даже не стремились вникнуть в этнонациональные особенности жителей Галиции в силу того, что руководствовались иной логикой – логикой сохранения стабильности государства в экстремальных условиях военного времени. Согласно ей, если русины бежали от боевых действий вглубь страны – следовательно, это были верные подданные императора, искавшие его защиты; если же они по какой-то причине оставались или пытались вернуться в родные края, тут же возникло подозрение в их нелояльности. Как показывала практика, именно политическая составляющая влияла на самую смысловую наполненность понятия «русин» в глазах имперских властей. По воспоминаниям Григория Макара, объяснить талергофской администрации в

⁸⁸ Lexikon der Vertreibungen. P. 567.

⁸⁹ Thalerhof 1914-1936. P. 37; Bihl. Einige Aspekte der österreichisch-ungarischen Ruthenenpolitik 1914-1918. P. 546.

⁹⁰ Гашек Я. Похождения бравого солдата Швейка. Ч. 1. Гл. 7. СПб., 2002. С. 86.

⁹¹ Миронов. Австро-венгерская армия в Первой мировой войне ... С. 88.

⁹² Там же. С. 23.

ходе набора в армию, что призывники используют наименование «русский» не в связке с Россией, а в том же смысле, что и чиновники – официальное *Ruthen*, было очень сложно⁹³.

Зыбкость соотношения этнического и национального у русинов, изначально обусловленная смешанным пограничьем в Галиции и удаленностью села от центров национализма⁹⁴, выразилось в том, что часть русофилов в Талергофе, под влиянием украинофильских агитаторов, признала себя украинцами⁹⁵, хотя, как утверждал Ваврик, «крестьянину трудно было сразу перекреститься с русина на украинца» и «потоптать то, что было для него святым и дорогим»⁹⁶. Как свидетельствовал находившийся в Талергофе священник Генрих Полянский, бывало, что селяне обвиняли интеллигентов в том, что это из-за их «просвещения» и национальных исканий они вообще оказались в подобной ситуации⁹⁷.

В целом же, можно говорить о том, что Галиция и ее население (не только русинское) оказались заложниками войны между двумя континентальными империями, причем войны принципиально нового типа, со всеми вытекающими военными и социальными практиками. Для людей, живших в своем самодовлеющем мирке, далеком от современной индустриальной реальности, такое резкое столкновение с ней стало не просто травматическим, а шокирующим. Свою роль здесь сыграла и тотальность происходящего. В ходе оккупации Галиции русскими войсками стало очевидным, что Россия использует те же практики, что и Австро-Венгрия – взятие заложников и ликвидацию диверсантов без суда, высылку «неблагонадежных», насильственную эвакуацию простых жителей, тактику «выжженной земли» при отступлении⁹⁸. Русинские беженцы оказались в России в крайне тяжелых условиях: так, в Киеве они были размещены в пакгаузах и на ипподроме, а то и вовсе в переполненных тюремных камерах, вместе с уголовниками. Пребывание русинов, как и в случае с австрийским Талергофом, первоначально характеризовали антисанитария, отсутствие нормального питания и медицинской помощи⁹⁹. Это опять же связано с тем, что и Россия, и Австрия сами впервые вели войну подобного типа и не имели соответствующего опыта.

---

⁹³ Талергофский альманах. Вып. 3. Ч. 1. С. 8.

⁹⁴ Федевич. Украинцы и не только ... С. 4.

⁹⁵ Клопова. Терезин и Талергоф: трагедия «тирольцев востока». С. 216.

⁹⁶ Ваврик. Терезин и Талергоф. С. 56.

⁹⁷ Талергофский альманах. Вып. 4. Ч. 2. С. 97.

⁹⁸ Миронов. Австро-венгерская армия в Первой мировой войне ... С. 58; Бахтурина. Политика Российской империи в Восточной Галиции ... С. 189 и сл.; Лор. Русский национализм и Российская империя ... С. 154 и сл.

⁹⁹ Бахтурина. Политика Российской империи в Восточной Галиции ... С. 196.

Талергоф как политический миф

Уже в 1920-е гг. представители русофильской интеллигенции стали собирать свидетельства переживших «военный абсолютизм». Воспоминания очевидцев были переполнены ужасом от столкновения с новой реальностью, в них ощущалась глубокая эмоциональная травма от пережитого. Неудивительно, что ряд явлений впоследствии рефлексировался в гиперболизированной форме. Свою роль в этом сыграли специфические особенности сознания и социализации. Другой вопрос, как потом были использованы эти свидетельства в политической и околонучной публицистике.

По словам Николь Голль, именно талергофские события повлияли на самосознание русинов как этнической группы¹⁰⁰. В пользу этого говорит тот факт, что травматическое наследие лагеря аккумулируется в большинстве случаев в связи с русинской (в гораздо меньшей степени – украинской) проблематикой, хотя, как было показано, в Талергофе находились далеко не только одни русины. Нужно подчеркнуть, что талергофский нарратив сразу приобрел выраженный виктимный характер. На основе реальных событий начал формироваться настоящий эпос, получивший в русофильской печати наименование «галицкая Голгофа». Симптоматично, что те русины, которые поспешили укрыться от боевых действий в беженском лагере Гмюнд, описывались в *Талергофском альманахе* с плохо скрываемым презрением как не пожелавшие разделить судьбу своего народа и поспешившие «под крыло» своего «государя»¹⁰¹. В то же время в галицких событиях начинают просматриваться и антизападные черты: по мнению редакторов *Талергофского альманаха*, действия Австрии были неслучайно нацелены на «русское население Прикарпатья», так как оно играло роль «предохранительной оболочки», через которую Запад не мог проникнуть в «сердцевину» русского мира¹⁰².

Формирование данного дискурса было прервано установлением советской власти в Галиции и Подкарпатье, после чего он продолжил развиваться уже в диаспоре. В середине 1960-х гг. в США силами местных русинских активистов были выпущены две книги – *Военные преступления Габсбургской монархии 1914-1917 гг.* (1964) и уже неоднократно упомянутая брошюра 1966 года. Оба издания были приурочены к пятидесятилетней годовщине событий. Хотя первое из них полностью воспроизводило *Талергофский альманах*, а второе базировалось на его материалах, по идейной направленности они заметно отличались от первоисточника.

При рассмотрении материалов *Альманаха* можно заметить, что его составители скорбели по трагической доле русофильского движения и его приверженцев. Обличая австрийские власти и украинофилов, составители, тем не менее, пред-

¹⁰⁰ Goll. «Russophile» Zivilinternierte aus Galizien ... . P. 33.

¹⁰¹ Талергофский альманах. Вып. 2. Львов, 1925. С. 140-141.

¹⁰² Там же. С. v-vi.

ставляли мемуарам право говорить самим за себя. Издания же 1960-х гг. подают проблематику уже в принципиально ином ключе и именно они, а не *Альманах*, задали определенный тон интерпретации событий 1914-1917 гг. как в русинском сообществе, так и за его пределами. Так, в предисловии к сборнику *Военные преступления* его издатель, американский промышленник карпаторусского происхождения Петр Гардый, подчеркивал, что политика террора проводилась Веной только в отношении «русских» и видел «корень величайших преступлений гитлеровской Германии» в «преступлениях габсбургской монархии». Там же Гардый писал, что австрийские лагеря являются предвестниками нацистских лагерей уничтожения и сетовал, что в свое время исполнители террора не были отданы под трибунал, аналогичный Нюрнбергскому¹⁰³.

Стоит отметить, что подобные размышления стали следствием позднейшей рефлексии в силу того, что ни Гардый, ни редактор издания 1966 года, священник Роман Самело, не были свидетелями австрийского террора, поскольку еще до начала Первой мировой войны эмигрировали в Америку. На позицию Гардого очевидным образом повлияли события Второй мировой войны, во время которой он участвовал в организации помощи пострадавшим русинам. На его средства впоследствии существовали русинские организации в Америке и издавалась соответствующая литература. Гардый неоднократно бывал в Европе до и после войны и несомненно знал и о преступлениях нацистов, и о демографической политике польских и советских властей на своей «малой родине». Очевидно, тот факт, что население родного края Гардого в течение более чем тридцати лет (1914-1947) периодически страдало от действий очередного государства, в границах которого оказывалось, зародил в нем мысль о некоем континуитете репрессивной политики по отношению к «русским», заложенной еще во времена Австро-Венгрии. Ваврик, в свою очередь, пережил оккупацию Галиции нацистами в 1941-1944 гг., в ходе которой были казнены двое его братьев. Эти события также могли повлиять на его позднейшую рецепцию давно минувших событий.

Весьма показательной в данной связи стала и избирательность русофильских авторов, указывающая на их изначальную пристрастность в освещении талергофской темы. Как уже говорилось, с началом Первой мировой войны практику интернирования начали применять все воюющие страны. Не стала исключением и Канада, которая развернула на своей территории 24 концентрационных лагеря. Среди интернированных оказалось около 5 500 граждан Австро-Венгрии, большинство из которых было представлено теми, кого на прежней родине именовали русинами. Как указывает канадский историк Любомир Луцок, эти эмигранты попадали в лагерь даже из-за того, что не могли объяснить по-английски, какой

---

¹⁰³ Гардый П.С. От издателя // *Военные преступления Габсбургской монархии 1914-1917 гг.* Trumbull, 1964.

они «национальности»¹⁰⁴. Арестованные умирали в заключении, осмелившихся бежать преследовала и убивала охрана. Чтобы обеспечить себя, интернированные вынуждены были принудительно работать на государственные и частные организации. Некоторые заключенные оставались в лагерях аж до марта 1920 года¹⁰⁵. Тем не менее, судьба этих русинов, очевидно, не интересовала авторов талергофского дискурса: в этом процессе не были задействованы «злонамеренные» украинцы, а Канада находилась слишком далеко от России и к тому же в обеих мировых войнах была на ее стороне. Вероятно, сыграли свою роль и соображения политкорректности – значительная часть русинских организаций располагалась в Америке, а Роман Самело, к примеру, сам проживал в Канаде.

Последние годы существования СССР стали временем возрождения русинской идеи на ее «первоначальной» территории. В ходе движения за суверенитет в союзных республиках главной целью русинов стали реализация своей этнокультурной индивидуальности и установление собственной политической автономии. Эта идея без энтузиазма была воспринята как киевскими властями, так и местными украинскими националистами, на долгое время став предметом непродуктивных политико-идеологических дискуссий. Любопытно, что, критикуя «свідомість» (сознательность) своих противников-украинцев, русинские авторы сами прибегали к точно такой же риторике, указывая, что очерк Ваврика должен стать настольной книгой «каждого сознательного карпато-русского патриота»¹⁰⁶.

Примерно в это же время рецепция русинской идеи в специфической форме происходила и в России. В данном случае между собой прочно переплелись сразу несколько общественных процессов. По мере ликвидации библиотечных «спецхранов», в которых, согласно расхожему убеждению, «режим» скрывал «правдивую информацию», стал доступен значительный пласт эмигрантской литературы, трактовавшей репрессивную политику советской власти в первую очередь как геноцид русских. Упомянутые русинские издания углубили его до времен Австро-Венгрии. В этой связи в российской консервативной публицистике талергофские события действительно иногда рассматриваются как «начальный этап грандиозного уничтожения русского народа», продолжившегося при большевиках¹⁰⁷. Хотя остается непонятным, как австро-венгерские военные меры соотносятся со сталинскими репрессиями, дискурс об уничтожении русинов именно как части русских был быстро воспринят в соответствующих кругах российского общества. Этому, наряду с указанной традицией, способствовали реальные или мнимые притеснения русских в бывших союзных республиках.

Уже на заре существования современной России образ этнического геноцида русских был взят на вооружение правыми радикалами. Так, еще в 1992 году газе-

---

¹⁰⁴ Luciuk L. *Without Just Cause: Canada's First National Internment Operations and the Ukrainian Canadians, 1914-1920*. Kingston, 2006. P. 2, 10.

¹⁰⁵ Ibid. P. 7-8, 12.

¹⁰⁶ Самело. Предисловие. С. 3.

¹⁰⁷ Русская Галиция и «мазепинство». М., 2005. С. 5.

та *Наше время* (орган Национально-республиканской партии России) писала о том, что «травля всего русинского» со стороны «самостийников» неотделима от потенциального геноцида русских и русскоязычных жителей Украины¹⁰⁸. В научных публикациях того времени этот тезис сливался с двумя традиционными для русской консервативной мысли идеями – о перманентном наличии у коллективного Запада некой антирусской стратегии и украинцах как ее агентах¹⁰⁹. Почву для закрепления этой теории подготовила длительная советская антизападная традиция, даже несмотря на то, что в советскую эпоху украинцы трактовались как «братский народ».

В итоге сформировался весьма эклектичный и глубоко анахроничный концепт. Согласно ему, преследование русинов в Галиции и их заключение в Талергофе было геноцидом части русского народа со стороны Запада, который использовал для этого другую часть русских, одурманив их «украинством». Под «Западом» в разное время понимались сначала Австро-Венгрия, потом Третий рейх, затем некое коллективное образование во главе с США. Украинцы же, следуя такой логике, поколениями были верными исполнителями данной политики. При этом порой исполнителями «геноцида» могли стать и большевики, и демократические власти новой России – словом, любой актер, заклеить которого было актуально в данный момент. Из-за этого происходила не только резкая политизация событий, связанных с Талергофом, когда изучение реальных событий уже переставало представлять интерес, но и девальвация самого понятия «геноцид».

Именно в таком ключе данный нарратив был воспринят сегодняшними «русофилами». Они, однако, существенно отличаются от поколения «первопроходцев» тем, что у них перед глазами лежит вся история XX века, а они сами сформированы в той реальности, столкновение с которой когда-то так напугало и шокировало их предшественников. Инструментарий высоко индустриализованного и высокотехнологичного общества, накопившего за прошедшие сто лет громадный социальный опыт, ретроспективно применяется «неорусофилами» к тем обстоятельствам и той общности, для которых он изначально не является адекватным.

Важно подчеркнуть также, что при оценке ими событий 1914-1917 гг. опять же ощущается попытка соотнести их с событиями 1939-1945 гг., когда нацисты проводили в Европе политику тотального уничтожения по этническому признаку. Как представляется, это происходит по двум причинам. С одной стороны, для вчерашних советских граждан период 1941-1945 гг. был гораздо ближе и понятнее, чем та война, которую в советское время именовали «империалистической». С другой стороны, характер нацистской политики уничтожения был хорошо изучен на послевоенных судебных процессах и стал достоянием мировой общественности. Исследование межэтнических отношений в Австро-Венгрии, напро-

---

¹⁰⁸ Цит. по: Миллер А.И. Образ Украины и украинцев в российской прессе после распада СССР // Политические исследования. 1996. № 2. С. 134.

¹⁰⁹ Лидовский П.С. «Украинцы... могут сделаться честными австрийцами»: кто учинил погром русинов в Галиции // Военно-исторический журнал. 1997. № 3. С. 58-59.

тив, было и есть уделом специалистов. В широких кругах эта тема неизвестна и по сути нивелируется масштабом Первой и Второй мировых войн.

Разбирая современную российскую политическую и квазинаучную публицистику, посвященную Талергофу и связанным с ним темам, следует отметить, что от статьи к статье и от книги к книге с опциональными изменениями тиражируются три основные идеи, взятые из упомянутых русинских изданий 1960-х гг.:

- политика Австро-Венгрии по преследованию русофилов в годы Первой мировой войны являлась «этническим геноцидом русских»¹¹⁰;

- Талергоф стал первым европейским лагерем смерти, предопределив подобную практику в последующее время¹¹¹;

- в подавлении русофильского движения участвовали «предатели»-украинцы, которые, таким образом, являлись прямыми соучастниками указанного геноцида¹¹².

Остановимся на каждом пункте более подробно:

Следует начать с того, что само определение геноцида в рамках международного права было сформулировано под влиянием опыта обеих мировых войн – речь шла соответственно о геноциде армян в Турции и евреев на оккупированных нацистами территориях. В декабре 1948 года Генеральная Ассамблея ООН утвердила определение геноцида как «действий, совершаемых с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую»¹¹³. В этом смысле «признание» геноцида со стороны австрийского правительства, о котором говорится в статье 2007 года¹¹⁴, не могло иметь место хотя бы по причине отсутствия необходимой формулировки.

Геноцид или его акты являются очень серьезным обвинением, которое требует не менее серьезных доказательств. Именно поэтому в практике международного права нередко используются другие, более осторожные формулировки, такие как «этническая чистка». Для классификации явления как геноцида работают специальные комиссии, состоящие из специалистов самого разного профиля. Это, однако, не мешает историкам использовать термин «антирусский геноцид» в академических исследованиях¹¹⁵, а консервативным публицистам переиздавать книгу Ваврика под громким патетическим названием *Геноцид карпато-русских «москвофилов» – намеренно замолчанная трагедия XX века*.

---

¹¹⁰ Фролкин П.П., Маруцкий Э.С., Шишкин Д.П. Отношение общества и политических партий к политике царизма в годы Первой мировой войны (на материалах Саратовской губернии) // Власть. 2014. № 6. С. 153.

¹¹¹ Ищенко Р.В. Талергоф // Стратегия России. 2015. № 3. С. 72.

¹¹² Русская Галиция и «мазепинство». С. 15-16.

¹¹³ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 года). Ст. II.

¹¹⁴ Марчуков. «Русские» или «украинцы»? ... С. 205-206.

¹¹⁵ Савченко В.Н. Восточная Галиция в 1914-1915 годах (национально-политическая ситуация и политика российской администрации) // Отечественная история. 2002. № 5. С. 81 и сл.

Та уверенность, с которой публицисты пользуются вышеуказанным термином, предполагает наличие у них вполне определенных и при этом фундированных данных о численности погибших. Тем не менее, в соответствующей литературе присутствует весьма значительный разброс данных. Так, в издании 2005 года, посвященном «мазепинству», в качестве жертв указываются «десятки тысяч повешенных, расстрелянных и замученных в концлагерях» русофилов¹¹⁶. Там же, буквально через несколько страниц, говорится уже о «сотнях тысяч уничтоженных и лишенных крова»¹¹⁷. В статье 2007 года упоминаются 100 000 погибших¹¹⁸. В издании 2012 года говорится уже о 60 000 погибших и 100 000 умерших в концентрационных лагерях, при этом жертвы принудительной депортации, по словам автора, не поддавались учету¹¹⁹. Статья 2015 года, очевидно, просто суммирует названные цифры, получая 140-160 000 человек¹²⁰.

Источник всех этих данных неочевиден. Единственный раз (в статье русского автора П. Лидовского) присутствует ссылка на автореферат диссертации украинского советского историка Василия Осечинского, писавшего о 150 000 человек, погибших в «пунктах физического уничтожения людей», в том числе Талергофе¹²¹. В тексте Осечинского, написанном еще в 1949 году, когда живые примеры нацистского геноцида были перед глазами, опять же нет указания на то, откуда он взял эту цифру. При этом в монографии, возникшей на основе данной диссертации пять лет спустя, Осечинский без какого-либо объяснения сократил число умерших в лагерях на 50 000 человек¹²². Количество казненных непосредственно в Галиции автор указал как «свыше 60 000 человек, повешенных или расстрелянных», дав отсылку к протоколам заседания рейхсрата¹²³.

Верификация этого утверждения выявила, помимо неверно указанной страницы, еще и искажение первоначальной фразы. Речь идет о высказывании галицкого депутата, будущего польского политика Игнацы Дашинского. Главным предметом его осуждения был произвол военной юстиции и бездумные казни. Насчет числа казненных (повешенных или расстрелянных – речи не было) Дашинский отметил, что «одни говорят о 30 000, по словам других было вдвое больше», а сам он не знает, как было на самом деле¹²⁴. По словам другого депутата, графа

---

¹¹⁶ Русская Галиция и «мазепинство». С. 5.

¹¹⁷ Там же. С. 15.

¹¹⁸ Марчуков. «Русские» или «украинцы»? ... С. 206.

¹¹⁹ Каревин А.С. Малоизвестная история Малой Руси: очерки межрусских отношений. М., 2012. С. 126.

¹²⁰ Ищенко Р.В. Талергоф // Стратегия России. 2015. № 4. С. 84.

¹²¹ Лидовский. «Украинцы... могут сделаться честными австрийцами». ... С. 58; Осечинский В.К. Галичина под гнетом Австро-Венгрии в годы первой мировой империалистической войны. Автореферат дис. ... кандидата исторических наук. Львов, 1949. С. 13-14.

¹²² Осечинский В.К. Галичина під гнітом австро-угорщини в епоху імперіалізму. Львів, 1954. С. 98.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Stenographische Protokolle der Sitzungen des Abgeordnetenhauses des österreichischen Reichsrates. 7. Sitzung der XXII. Session am 15. Juni 1917. P. 305.

Лясоцкого, ему не было известно, «действительно ли число казненных в Галиции достигает, как утверждается, десятков тысяч»¹²⁵. Наряду с этим Лясоцкий указывал, что многие офицеры специально «распускали слухи о якобы массовых случаях предательства и казнях». В этой связи депутат привел известный ему случай с «казненным» начальником почты галицкого села Разводов, которого он впоследствии, к своему удивлению, обнаружил среди заключенных Талергофа¹²⁶.

Как представляется, именно эти слухи, озвученные на заседаниях парламента, впоследствии были подхвачены сперва русинской, а затем и современной российской публицистикой. Между тем, существуют официальные российские подсчеты, появившиеся еще в годы Первой мировой войны. Согласно им, всего в Галиции, Буковине и Подкарпатье было депортировано 40 000 человек, из них на Восточную Галицию пришлось порядка 10 000 депортированных и 1 500 казненных по приговору военно-полевого суда¹²⁷. Впоследствии бывшие заключенные Талергофа пытались сами собрать информацию о погибших в лагере. Так, по подсчетам священника Василия Курило, в 1915 году в Талергофе умерло 168 русинов-лемков¹²⁸. Хотя это и неполные данные, они дают представление о порядке цифр. Тем не менее, вероятно, они кажутся авторам слишком низкими для утверждений о геноциде, чтобы отталкиваться от них.

Поиск достоверных данных и научная аккуратность, очевидно, вообще не заботят авторов политизированных материалов. Так, Лидовский почему-то называет Осечинского «Осечкиным» и ссылается на неправильную страницу его автореферата. В указанной выше статье 2014 года авторы, говоря о «геноциде русских», дают недействительную ссылку на статью историка Михаила Ерина о советских военнопленных в Австрии¹²⁹, где не только нет упоминания о событиях Первой мировой войны, но даже не совпадает номер журнальной страницы. Квалификацию авторов в данном вопросе демонстрирует и то, что они именуют «лагерем» не только Талергоф, но и Терезин – как известно, он представлял собой тюрьму, устроенную в крепости, а лагерь там был организован опять же в годы Второй мировой войны. Публикацию статьи 2015 года о Талергофе открывает фрагмент обработанной в Фотошопе фотографии аннексии Судетской области Германией (1938 год), на которой плачущая женщина «перемещается» в Талергоф¹³⁰. Название лагеря при этом вбито современным вордовским шрифтом.

Любопытный сюжет связан и с другой фотографией. В качестве иллюстрации к австрийскому террору в Талергофе нередко используется снимок, на котором австро-венгерские военнослужащие позируют на фоне трех повешенных – священника Романа Березовского, служащего Льва Кобылянского и крестьянина

¹²⁵ Ibid. 71. Sitzung der XXII. Session am 12. März 1918. P. 3603.

¹²⁶ Ibid.

¹²⁷ Wendland. Die Russophilen in Galizien ... P. 546.

¹²⁸ Талергофский альманах. Вып. 3. Ч. 1. С. 112.

¹²⁹ Ерин М.Е. Австрийские историки о судьбе советских военнопленных // Вопросы истории. 2006. № 12. С. 157-161.

¹³⁰ Ищенко Р.В. Талергоф // Стратегия России. 2015. № 1. С. 77.

Пантелеймона Жабяка. Процесс по их делу подробно описывался в конце 1924 года львовской газетой *Dziennik Ludowy*, потом данные материалы были перепечатаны в *Талергофском альманахе*. Как выяснилось, эти трое были казнены еще 30 августа 1914 года в Мукачево по приговору выездной комиссии львовского суда¹³¹. Разбирая дело, судьи цеплялись к любой мелочи. Так, у Березовского, украинофила (!), бежавшего от наступающих русских войск с частью приходской кассы, нашли школьную географическую карту с пометками, а Кобылянский не смог объяснить происхождение имевшихся у него сверх его жалования денег¹³². Этим «улик», а также сбивчивых показаний подсудимых суду хватило для признания их виновными в шпионаже в пользу России. Уже со временем они превратились из жертв военного произвола в жертв «геноцида русских». Разные источники «перемещают» казненных то в Галицию (как брошюра 1966 года), то в Талергоф (как русская версия Википедии и ряд других ресурсов Рунета).

В продолжение темы геноцида в российской публицистике поддерживается идея русинской диаспоральной историографии об аналогии между Талергофом и Терезином, «первыми в мире лагерями смерти для мирного населения», и нацистскими лагерями уничтожения. Австрийские учреждения называются «первыми ласточками Освенцима, Дахау и Трешлинка»¹³³. Австрийские историки, занимавшиеся вопросом репрессий против русофилов, считают, что число казненных в условиях произвола военных нельзя установить с точностью и подчеркивают, что политику Австро-Венгрии в условиях войны в принципе нельзя соотносить с отлаженной нацистской политикой уничтожения¹³⁴, как известно, проводившейся безотносительно боевых действий.

Наконец, еще одной ангажированной темой является участие украинофилов в репрессиях против русофилов. Его нельзя отрицать, однако реальный масштаб этого участия еще предстоит выяснить. В любом случае будет затруднительно определить, было ли описанное в мемуарах содействие украинофилов военным властям в каждом индивидуальном случае осознанным выражением политической позиции, или просто сведением личных счетов и стремлением разжиться на чужой беде. В данной связи показателен случай депутата Рейхсрата Николая Василько, иногда изображаемого в талергофских изданиях одним из главных гонителей русофилов и всего русского. Происходивший из аристократической румынской семьи, Василько сначала был активистом русофильской партии, а затем резко переменил свои взгляды на противоположные. При этом его главной целью было извлечение прибыли из своего депутатского статуса¹³⁵. Несмотря на это, в сегодняшней консервативной публицистике украинцы клеймятся как предатели

¹³¹ Талергофский альманах. Вып. 1. Львов, 1924. С. 31, 114.

¹³² Талергофский альманах. Вып. 2. С. 70 и сл.

¹³³ Русская Галиция и «мазепинство». С. 15; Фролкин, Маруцкий, Шишкин. Отношение общества и политических партий к политике царизма ... С. 153.

¹³⁴ Bihl. Einige Aspekte der österreichisch-ungarischen Ruthenenpolitik 1914-1918. P. 546; Goll. «Russophile» Zivilinternierte aus Galizien ... P. 32.

¹³⁵ Bukowinaer Post. № 2287. 4. Oktober 1908. P. 3-4.

своего народа и «общественные полицаи» геноцида¹³⁶. Это представление также проистекает из диаспорального нарратива. Еще в 1960-е гг. в издававшемся Союзом Лемков в США *Карпаторусском календаре* украинцев с целью подчеркнуть их статус «наемников» именовали «янычарами» и «наци-гайдамаками», которые способствовали «империалистическому походу Запада на Россию и ее окончательному стиранию с лица земли»¹³⁷.

Вместе с тем, не подлежит сомнению, что политика Австро-Венгрии в отношении украинцев не была такой однозначной, какой ее хотят видеть. Как указывает австрийский историк Вольфдигер Биль, само наименование «украинец» употреблялось в Австрии полуофициально, тогда как в официальном делопроизводстве все равно использовалось обозначение «русин». По поводу введения понятия «украинец» на государственном уровне в 1915-1916 гг. происходила оживленная дискуссия с участием ведущих профессоров-славистов. Только в апреле 1918 года австрийское Министерство ландвера издало распоряжение о том, что «русин» следует в документах заменять «украинцами», однако Военное министерство отказалось его использовать ввиду отсутствия правительственной санкции¹³⁸.

Следует также отметить, что несмотря на взаимодействие австрийского руководства с некоторыми украинскими организациями, украинофилы не были застрахованы от непредсказуемости военной юстиции. По воспоминаниям украинского активиста Василя Маковского, он оказался в Талергофе просто потому, что начало войны застало его у друзей в Одессе, откуда он кружным путем с трудом пробрался домой в Галицию¹³⁹. Другой украинофил, Владимир Чировский, участвовавший в притеснениях русофилов в Талергофе, был затем приговорен военным судом за вымогательство у заключенных и взяточничество к шестилетней каторге¹⁴⁰. Показательно, что летом 1915 года, после начала новой волны репрессий, связанной с отступлением русских войск из Галиции, в Талергофе оказались и украинофилы, участвовавшие в арестах русофилов в предыдущем году¹⁴¹.

Обозначенным выше основным сюжетам сопутствуют и более второстепенные. Так, в издании 2012 года говорится о замалчивании украинской стороной правды о «чудовищном геноциде»¹⁴². Вероятно, автору не было известно, что еще в октябре 2004 года Верховной радой Украины было принято постановление «О 90-летию трагедии в концлагере Талергоф». Оно предусматривало, в частности, осуществление комплекса мер по увековечиванию памяти «жертв террора» в

¹³⁶ Русская Галиция и «мазепинство». С. 15-16.

¹³⁷ Карпаторусский календарь Лемко-Союза на 1964 год. Yonkers, NY., 1964. С. 48; Карпаторусский календарь Лемко-Союза на 1965 год. Yonkers, 1965. С. 51-53.

¹³⁸ Bihl. Einige Aspekte der österreichisch-ungarischen Ruthenenpolitik 1914-1918. P. 541-542.

¹³⁹ Маковский. Талергоф ... С. 56 и сл.

¹⁴⁰ Талергофский альманах. Вып. 3. Ч. 1. С. 13.

¹⁴¹ Клопова. Терезин и Талергоф: трагедия «тирольцев востока». С. 216.

¹⁴² Каревин. Малоизвестная история Малой Руси ... С. 126.

ряде областей Западной Украины и их «широкое освещение» в СМИ¹⁴³. Талергоф описывается в украинских энциклопедиях¹⁴⁴, упоминается в учебной литературе для школ, причем в той, которая выходит на западе страны¹⁴⁵. События, связанные с лагерем, вообще замалчивались только в годы «военного абсолютизма» в Австро-Венгрии. Возобновление работы парламента в мае 1917 года открыло всю картину произошедшего¹⁴⁶. Тем не менее, как уже было сказано, талергофская драма оказалась заслонена обеими мировыми войнами. Как указывала член комиссии по изучению лагерных документов Николь Голь, даже в самой Австрии о тех событиях практически никто не знает¹⁴⁷.

* * *

Со времени талергофских событий минуло сто лет. За это время политическая карта Европы несколько раз полностью менялась. Очередная смена привычной реальности порой воспринималась весьма болезненно, порождая попытки объяснения перемен. Развал советской империи и упадок постсоветской России, травматичные для немалой части российского общества, нередко связывались с действием неких внешних или, по крайней мере, направленных извне сил. На этой почве ряд исторических сюжетов подвергся переосмыслению и резкой политизации. Не избежал этого и Талергоф. События вокруг него обыгрывались в рамках более широкого сюжета, связанного с возникновением независимого украинского государства, в самом существовании которого украинофобы склонны видеть некий континуитет антирусской политики со времен Австро-Венгрии до сегодняшних дней.

В классическом антиукраинском нарративе, свойственном русской консервативной мысли еще второй половины XIX века, украинофильское движение сперва рассматривалось как «интрига» поляков, традиционно считавшихся духовным антиподом православных. По мере ухудшения отношений России и Австрии украинцы, в представлении русских властей, превратились в проводников подрывной политики Вены, стремившейся с их помощью расколоть «триединый» русский народ. В условиях увеличения активности Петербурга по поддержке русофильских объединений Галиции в Австро-Венгрии заметно возросла роль неофициальной градации подданных по уровню лояльности.

В этой связи мы вновь возвращаемся к основополагающему вопросу о парадигмальных различиях Австро-Венгрии и государства современного типа. Сле-

---

¹⁴³ Відомості Верховної Ради України. 2005. № 2. Ст. 64.

¹⁴⁴ Енциклопедія історії України. Т. 7. Київ, 2010. С. 86.

¹⁴⁵ Гісем О.В., Мартинюк О. О. Історія України: конспекти уроків. 10 клас. Тернопіль, 2011. С. 110-111.

¹⁴⁶ Миронов. Австро-венгерская армия в Первой мировой войне ... . С. 58.

¹⁴⁷ Goll. «Russophile» Zivilinternierte aus Galizien ... . P. 33.

дует отметить, что империя Габсбургов продолжала сохранять уже анахроничную на тот момент систему, в которой дифференциация граждан происходила по степени их верности престолу, а не по этнической или религиозной принадлежности. Так, представители австрийского авангарда, немцы по происхождению, подвергались общественному порицанию или даже тюремному заключению, как Эгон Шиле, так как считалось, что они расшатывают устоявшийся порядок. С другой стороны, патриотично настроенные к Австрии этнические славяне могли занимать высшие интеллектуальные и государственные посты в империи. Среди них были и выходцы из Галиции, такие как Иван Горбачевский (министр здравоохранения) и Иван Пулюй (ректор Высшей технической школы в Праге).

Драма, развернувшаяся на восточной окраине Австро-Венгрии в начале Первой мировой войны и затронувшая практически все этнические общности края, стала не только результатом столкновения двух государств в войне, принципиально отличной от тех, что были до этого. Она явилась кульминацией долгое время культивировавшихся взаимных аффектов. В данном случае на австрийскую политику в немалой степени влиял коллективный миф доминантных групп империи (немцев и венгров) о «славянской опасности», главной движущей силой которой представлялась Россия. В условиях военного времени подобные мифы были реструктурированы с учетом шпиономании и пропаганды. Репрессиям в Австро-Венгрии подверглись лица, реально симпатизировавшие противнику или просто заподозренные в нелояльности власти, из-за чего попасть в заключение или быть приговоренным к смерти военным судом теперь мог фактически любой подданный.

Как уже было сказано, в Австрии феномен «военного абсолютизма» 1914-1916 гг. малоизвестен широкой публике, чего не скажешь о России. В русском консервативном дискурсе талергофская эпопея причудливо преломилась через призму ряда событий, таких как революции 1917 года, Гражданская война и война между СССР и нацистской Германией. Здесь примечательно не только то, что они имеют ключевое значение для российской истории, но и то, что указанные события являлись узловыми пунктами в социализации нынешних консервативных авторов, выросших в Советском Союзе. Подобное положение открывает нам некоторые феномены. Как уже упоминалось, Талергоф нередко приравнивается к Освенциму и другим практикам уничтожения времен Третьего рейха. Здесь можно говорить о некоем парадоксе. Так, консервативные авторы хотят думать, что австро-венгерский лагерь стал прообразом нацистских концлагерей. На самом же деле это образ Освенцима, знакомого им со школы символа фашизма, ретроспективно сформировал Талергоф, о котором они узнали относительно недавно. Из-за небольшого по историческим меркам срока, который разделяет австрийские лагеря интернированных и нацистские лагеря смерти, в сознании неспециалиста они действительно могут слиться в нечто единое. Это, к примеру, выражается в

том, что для иллюстрации австрийской тюрьмы Терезин порой используются фотографии нацистского концлагеря Терезиенштадт¹⁴⁸.

Иногда в ход идет и квазирелигиозная риторика: «украинство» называется «ересью», «каиновым грехом», а его приверженцы – «предателями православной цивилизации»¹⁴⁹. Нагнетание политических страстей вокруг этих сюжетов оттесняет в тень такие важные вопросы, как военно-гражданские взаимоотношения в Австро-Венгрии до начала и во время «военного абсолютизма», степень распространения военной истерии среди военнослужащих, уровень глубины политического участия украинофилов в репрессиях против своих оппонентов.

События последних двух лет и связанный с ними кризис российско-украинских взаимоотношений сделали Талергоф и окружающие его события устойчивым паттерном современной антиукраинской мифологии. Порой авторы даже не утруждают себя написанием нового антиукраинского материала, а просто актуализируют старый в свете повестки дня¹⁵⁰. В наши дни указанная мифология, сохраняя весь эклектичный комплекс прежних характеристик, приобретает ярко выраженные антизападнические черты. «Украинство» в этом смысле именуется «южнорусским областническим западничеством», нацеленным на развал «русского единства»¹⁵¹. Украина обвиняется в продолжении начатого в Талергофе «геноцида по-европейски» в Новороссии, опять же «не без участия Европы»¹⁵². События в Одессе и Мариуполе 2014 года соотносятся с карательными акциями нацистов в Хатыни и Лидице¹⁵³. Стоит отметить, что в данном контексте такие явления, как «нацизм» и «геноцид», полностью теряют свою первоначальную наполненность, превращаясь в политические «ругательства», используемые для стигматизации оппонента как проявления Абсолютного Зла.

В указанном ключе предпринимается попытка сделать не только и не столько текущие украинские события, но и само существование Украины как отдельного государства частью антирусской стратегии Запада. Какие страны включаются в это понятие, не говорится, однако порой речь заходит об Австрии, Венгрии и даже Чехии – наследниках империи Габсбургов, тем не менее, уже имеющих с ней мало общего. Континуитет этой стратегии ведется от сегодняшних оппонентов Русского мира сначала к нацистам, а затем и к Талергофу как отправному пункту виктимного дискурса о геноциде русских. Из-за этого и возникает желание сделать из реальных исторических событий некое явление онтологического характера, якобы актуальное для понимания всех связанных с украинским кризисом

¹⁴⁸ Медведев А.А. Подлинная история русского и украинского народа. М., 2015. С. 323.

¹⁴⁹ Ищенко Р.В. Талергоф // Стратегия России. 2015. № 1. С. 76; Украина – это Россия. М., 2014. С. 5; Марчуков. «Русские» или «украинцы»? ... С. 207.

¹⁵⁰ В качестве характерного примера см.: Яловенко [Айрапетов] О. Как исчезли русины и как Галиция превратилась в центр украинского шовинизма // Сборник Русского исторического общества. Т. 11. М., 2011. С. 132-142; Айрапетов О. Трагедия русин Галиции // Родина. 2014. № 8. С. 67-70.

¹⁵¹ Украина – это Россия. С. 5.

¹⁵² Ищенко Р.В. Талергоф // Стратегия России. 2015. № 1. С. 78.

¹⁵³ То же // Стратегия России. 2015. № 5. С. 84.

процессов. Таким образом реальные человеческие трагедии, произошедшие как сто лет назад, так и недавно, используются заинтересованными группами лиц для формирования определенной конъюнктуры. Другой вопрос, что возникший на ее основе деструктивный общественный нарратив уже существует как нечто самоценное, полностью отдалившись от исторического прототипа.